ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

Франсуаза Саган. Слезинки в красном вине
Франсуаза Саган. Немного солнца в холодной воде
Франсуаза Саган. Шелковые глаза
Франсуаза Саган. Любите ли вы Брамса?
Франсуаза Саган. Смутная улыбка
Франсуаза Саган. Сара Бернар. Несокрушимый смех
Франсуаза Саган. В туманном зеркале
Франсуаза Саган. Сиреневое платье Валентины
Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц
Рэй Брэдбери. Летнее утро, летняя ночь
Рэй Брэдбери. Лекарство от меланхолии
Рэй Брэдбери. Вино из одуванчиков
Рэй Брэдбери. 451° по Фаренгейту
Рэй Брэдбери. Кошкина пижама
Рэй Брэдбери. Марсианские хроники
Гастон Леру. Призрак Оперы
Агата Кристи. Десять негритят
Гийом Мюссо. После...
Гийом Мюссо. Ты будешь там?
Дж. Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи
Дж. Д. Сэлинджер. Девять рассказов
Симона де Бовуар. Недоразумение в Москве
Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Великий Гэтсби
Фрэнсис Скотт Фицджеральд. По эту сторону рая
Валери Тонг Куонг. Провидение
Джо Дассен. Подарок для Дороти
Мария Метлицкая, Татьяна Булатова, Маша Трауб. Тяжелый путь к сердцу через желудок

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ
ТАТЬЯНА БУЛАТОВА
МАША ТРАУБ

Тяжелый путь к сердцу через желудок

Москва
2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос-=Рус)6я43
Т99

Разработка и оформление серии
Е. Анисиной

Т99 **Тяжелый путь** к сердцу через желудок : [сборник рассказов] / Мария Метлицкая, Татьяна Булатова, Маша Трауб. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 256 с. — (Книга в сумочку).

ISBN 978-5-699-88879-5

Каждый рассказ, вошедший в этот сборник, — остановившееся мгновение, история, которая произойдет на ваших глазах. Перелистывая страницу за страницей чужую жизнь, вы будете смеяться, переживать за героев, сомневаться в правдивости историй или, наоборот, вспоминать, что точно такой же случай приключился с вами или вашими близкими. Но главное — эти истории не оставят вас равнодушными. Это мы вам обещаем!

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос-=Рус)6я43

© Метлицкая М., 2017
© Федорова Т.Н., 2017
© Трауб М., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-88879-5

Мария Метлицкая

ЗАПАХ АНТОНОВСКИХ ЯБЛОК

Нина Ивановна Горохова на судьбу не роптала и несчастной себя не считала — не тот характер. Да и к тому же всю жизнь ей внушали, что судьба ей ничего не должна.

Ко всему, что случалось в ее жизни, Нина Ивановна относилась с глубоким пониманием и почти равнодушием — ну значит, так!

Характер у нее был спокойный, рассудительный, стойкий. В истерики не впадала и подарков от судьбы не ждала.

Нормальная русская женщина.

Родители, активные строители коммунизма и светлого будущего, шли по жизни с энтузиазмом — иногда, казалось, с чрезмерным.

Сложности быта переживались просто и с юмором. Родители работали на заводе, вставали рано и были всему снова рады — даже хмурому дождливому утру.

Отец напевал что-то бодрое, громко фыркая над раковиной, мама на полную громкость включала радио и жарила большую яичницу.

Вылезать из теплой постели не хотелось, но было стыдно — она, видите ли, нежится, а родители давно бодрячком.

Когда Нина приходила из школы, на плите всегда стояли щи и котлеты с макаронами. Ну или с гречкой. На балконе остужалась банка бледно-розового киселя.

Мама говорила, что компот — баловство. А кисель — это еда. Особенно с хлебом. Еще мама говорила: «Едим без деликатесов, зато голодных у нас не бывает».

На лето Нину отправляли в деревню к бабушке. Она ходила за коровой, выпасала гусей и кормила кроликов. В августе ходили по грибы и за горохом на колхозное поле.

Горох хотя и был колхозным, государственным, собирали его все, вся деревня. И стыдно никому не было. Гороха-то море! И нам хватит, и государству останется!

Его сушили на зиму — для супа и каши, а бабушка еще варила и гороховый кисель.

Ничего, кстати, вкусного! Грибы солили, из кроликов и гусей делали тушенку.

В конце августа приезжали отец с матерью, неделю «балдели», а потом сосед Петька, водитель грузовика, за трешку отвозил их на станцию. Половина кузова была заставлена банками и мешками.

Нине было неловко, когда все эти несметные баулы загружались в поезд. Но родители были счастливы.

— Теперь продержимся! — счастливо улыбался отец, поглаживая крупной рабочей ладонью мешки с картошкой и яблоками.

Нина, краснея, отворачивалась к окну.

В восьмом классе к ним пришла новенькая. Звали девочку Ингой.

Кроме необычного и красивого имени, у Инги были распущенные светлые волосы, перехваченные эластичной фиолетовой лентой, лаковые туфельки с пряжкой. И еще — полное презрение к одноклассникам мужского пола.

Посадили новенькую с Ниной. Та была счастлива, но тщательно это скрывала. На большой перемене все сорвались в столовую.

Все, кроме Инги. Из класса выходить она, похоже, не собиралась. Инга вытащила из портфеля румяное яблоко и зашелестела фольгой от шоколадки.

— А обедать, — робея, спросила Нина, — ты не пойдешь?

Инга с удивлением глянула на нее и брезгливо скривила губы.

— Щи хлебать? — с презрением уточнила она. — И перловую кашу?

Нине очень хотелось и щей, и каши, но она растерялась и тоже в буфет не пошла.

Достала учебник по физике и стала его листать.

Инга отломила кусок шоколадки, протянула соседке и достала из портфеля журнал мод с яркими картинками.

После школы Нина пошла провожать новенькую.

Инга рассказывала, что новую квартиру она не полюбила — далеко от центра, от потолка пахнет побелкой, да и вообще — это что, потолки?

— Что — «потолки»? — не поняла Нина. — В каком это смысле?

— Низкие, — вздохнула Инга. — Вот в Ленинграде у нас были, — она взмахнула рукой, — метров пять, не меньше! И все с лепниной! Дом графини Незнамовой, слышала?

Нина не слышала ни про дом, ни про графиню, ни про потолки в пять метров, да еще и с лепниной.

Инга рассказывала, что отца перевели в столицу, никто этому не рад, потому, что «Москва — не Питер, понятно? Деревня!»

Нина кивнула, ничего не поняв. Но спорить ей не хотелось.

— Зайдем ко мне? — предложила Инга, и Нина с трепетом и радостью согласилась.

В полутемном коридоре пахло кофе и горьковатыми духами.

Из комнаты доносился чей-то приглушенный и низкий смех.

— Тома на телефоне, — бросила Инга и пошла в свою комнату.

Нина поспешила за ней.

В Ингиной комнате не было ни красного ковра на стене, ни кровати с панцирной сет-

кой и металлическими шариками, ни розового тюля на окне, ни грустной грузинской «отчеканенной» девушки, которая висела почти в каждом доме.

Низкий диван с подушками, синие плотные гардины, создающие уют и полумрак, торшер на деревянной ноге с голубым абажуром и картины на стене — малопонятные, как будто смазанные, совсем неяркие, но почему-то волнующие.

— Датошка, — кивнула на картины хозяйка. — Томин поклонник.

— Томин? — переспросила Нина.

Инга кивнула:

— Томин, мамулькин в смысле. Известный грузинский художник и давний ее обожатель.

От этих слов Нине стало жарко и душно: «мамулька» — это Тома? Поклонник Дато? И все это говорится так обыденно, словно замужней женщине иметь поклонника — совсем обычная история.

Инга поставила пластинку. Музыка Нине была не знакома, но так обворожительна, так прекрасна, что ей снова стало жарко и душно.

— Поль Мориа, — объяснила Инга. — Красиво, правда? Только немного грустно.

Дверь в комнату открылась, и на пороге возникла высокая худая женщина с ярко-рыжими, почти красными, явно крашеными волосами, в черном шелковом халате, перетянутым поясом на узкой девичей талии.

— Ингуша! — с укором сказала она. — У тебя гости, а тебе хоть бы хны!

Инга скривила гримасу и фыркнула.

— Девочки! На кухню! Маша постаралась — там столько вкусного!

Инга тяжело вздохнула и кивнула Нине:

— Пошли, делать нечего! Все равно не отстанут!

Кухня тоже отличалась от кухни в Нининой квартире, как земля отличается от неба, а лето от зимы.

Вместо белой пластиковой мебели, кухонного гарнитура, за которым полгода охотилась Нинина мама, на этой кухне стоял огромный темный буфет с резными утками и зайцами. Посредине кухни царствовали большой овальный стол со скатертью и массивные, тяжелые

стулья с зеленой бархатной обивкой. Совсем не кухонные стулья.

На столе стояли вазочки с печеньем, булочками и виноградом. И огромная ваза конфет, разумеется, шоколадных.

Томуля достала из буфета тонкие чашки — белые, с тонкой серебряной каймой — и налила из заварного чайника крепкой заварки.

— Мне чай, — пояснила она. — Кофе на сегодня определенно достаточно. А ты, Инга? Кофе? И вы, Ниночка, тоже?

Нина кофе никогда не пила. Нет, пила, конечно, — растворимый из банки и столовский из титана, и еще — желудевый у бабушки.

Но вот такой, черный, ароматный, только что сваренный в медной и, видимо, очень старой турке, — точно впервые.

Пах он замечательно, но на вкус оказался терпким и горьким.

Нина видела, что Инга в чашку сахар не положила, и тоже решила пить несладкий.

Правда, было очень невкусно.

Инга и ее мать разговаривали как подруги — подтрунивали друг над другом, хихикали, обсуждали наряды и знакомых.

Потом зазвонил телефон, и Тома поспешно ушла.

— А где твоя мама работает? — спросила Нина.

— Тома? Работает! Да Тома дня в своей жизни не отработала! Скажешь тоже! — фыркнула она и засмеялась. — Ну ты даешь! — усмехнулась она. — Такие женщины, как Тома, никогда не работают! Такие женщины удачно выходят замуж — за дипломатов, военных, дирижеров и режиссеров!

Нина смутилась и покраснела, поняв, что ляпнула явную глупость.

Из дальней комнаты снова раздавался низкий Томин смех, и запахло сигаретным дымом.

После черного кофе Нину стало подташнивать и захотелось домой.

Инга ее не задерживала.

Уже в коридоре она мельком увидела комнату, где ворковала Ингина мать, — дверь была полуоткрыта.

Тома полулежала на узком диванчике-загогулине с высокой крученой спинкой, закидывая голову, выпускала тонкой струйкой дым, с интересом разглядывала, словно видела впер-

вые, браслет на узкой руке и медленно кивала, словно одобряя кого-то или что-то.

В этой комнате тоже царил полумрак — бордовые шторы были задернуты, и горела только настольная лампа, стоящая на черном рояле.

— Тома у нас крот! — улыбнулась Инга. — Не любит наблюдать жизнь при естественном освещении. И себе больше нравится — что самое главное!

Нина не очень поняла смысл сказанного, но кивнула и заторопилась домой.

Ее собственная квартира показалась Нине такой убогой, такой тесной и такой деревенской, что она села на табуретку и расплакалась. А вот кислых щей поела с удовольствием, и тошнота моментально прошла.

Их дружба с Ингой, растянувшаяся на всю долгую жизнь, казалась странной не только Нининым родителям, рыжей Томе, школьным учителям, одноклассникам, а в дальнейшем и Нининому мужу Володе, но и самой Нине.

Красавица Инга, с томной Томулей и папашей — начальником какого-то главка (Инга

и сама не знала, какого именно), с прислугой Машей, с самой модной портнихой столицы, обшивающей капризных дамочек, и с личным водителем отца Севой, возившем девчонок по вечерам в театры, была, казалось, небожительницей.

Инга презирала всё и вся, включая собственную семью. Но простая, как медный пятак, Нина, с ее убогой жизнью и деревенскими родственниками, неожиданно стала для нее самым близким человеком.

Капризная, насмешливая, избалованная Инга, казалось, нуждается в Нине куда больше, чем Нина в ней.

Мать Нины дружбу эту не приняла.

«Что тебе с ней? — недовольно спрашивала она. — Вы с ней разного поля, это ж понятно!»

Но с годами все смирились и привыкли.

Обе девочки были закрытыми и сторонились людей.

Инга прикрывалась цинизмом и иронией, а простая Нина была стеснительной и малообщительной от природы. Только оставаясь вдвоем, они, правда не сразу, начали откры-